

Московский институт открытого образования
Кафедра филологического образования

МОСКОВСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
ЛИТЕРАТУРЫ
2011 ГОД
Очный тур
9 класс

Прочитай рассказ и дай его истолкование, аргументировано и полно отвечая на вопросы:

1. Какой основной изобразительный прием использует автор для описания «досуга» персонажей рассказа? Проследи действие этого приема в создании подтекста.
2. Как язык персонажей отражает внутренний мир героев?
3. Понаблюдай за композицией рассказа А.С.Грина. Какой эпизод ты определишь как кульминационный и почему?
4. С помощью каких художественных деталей и средств писатель дает характеристику заключенного? Как при этом проявляется авторская позиция?
5. Можно ли свести смысл рассказа к теме «досуга»? Какие жизненные и нравственные ценности утверждает автор?
6. В каких еще произведениях русской литературы встречается испытание героя неволей, в чем их близость персонажу этого рассказа?

Александр Степанович Грин (1880-1932)

На досуге

Начальник еще не приходил в контору. Это было на руку писарю и старшему надзирателю. Человек не рожден для труда. Труд, даже для пользы государственной - проклятие, и больше ничего. Иначе бог не пожелал бы Адаму, в виде прощального напутствия, "есть хлеб в поте лица своего".

Мысль эта кстати напомнила разомлевшему писарю, что стоит невыносимая жара и что его красное, телячье лицо с оттопыренными ушами обливается потом. Задумчиво вытащил он платок и меланхолично утерся. Право, не стоит ради тридцатирублевого жалованья приходить так рано. Годы его - молодые, кипучие... Сидеть и переписывать цифры, да возиться с арестантскими билетами - такое скучное занятие. То ли дело - вечер. На бульваре вспыхивают разноцветные огни. Аппетитно звякают тарелки в буфете и гуляют барышни. Разные барышни. В платочках и шляпах, толстые, тонкие, низенькие, высокие, на выбор. Писарь идет, крутит ус, дергает задом и поигрывает тросточкой.

- Пардон, мадмуазель! Молоденькие, а в одиночестве... И не скучно-с?..

- Хи, хи! Что это, право, за наказание!.. Такие кавалеры, а пристае!..

- А вы, барышня, не чопуритесь!.. Так приятно в вечер майский с вами под руку гулять!.. И так приятно чай китайский с милой сердцу распивать-с!..

- Хи, хи!..

- Хе-хе!..

Легкие писарские мысли нарушены зевотой надзирателя, старой тюремной крысы, с седыми торчащими усами и красными, слезящимися глазками. Он зевает так, как будто хочет проглотить всех мух, летающих в комнате. Наконец, беззубый рот его закрывается и он бормочет:

- А уголь-то не везут... Выходит, что к подрядчику идти надо...

С подрядчиком у него кой-какие сделки, на почве безгрешных доходов. Вот еще

дрова - тоже статья доходная. На арестантской крупе да картошке не разжиреешь. Нет, нет - да и "волынка", бунт. Не хотят, бестии, "экономную" пищу есть. Так что с перерывами - подкормишь, да и опять в карман. Беспокойно. То ли дело - дрова, керосин, уголь... Святое, можно сказать, занятие...

Часы бьют десять. Жар усиливается. В решетчатых окнах недвижно стынута тополи, залитые жарким блеском. Кругом - шкафы, книги с ярлыками, старые кандалы в углу. Муха беспомощно барахтается в чернилах. Тишина.

Сонно цепенеет писарь, развалившись на стуле, и разевает рот, изнемогая от жары. Надзиратель стоит, расставив ноги, шевелит усами и мысленно усчитывает лампадное масло. Тишина, скука; оба зевают, крестят рты, говорят: "фу, черт!" - и зевают снова.

На крыльце - быстрые, мерные шаги; тень, мелькнувшая за окном. Медленно открывается дверь, визжа блоком. Тщедушная фигура рассыльного с черным портфелем и разносной книгой водворяется в канцелярию и обнажает вспотевшую голову.

- От товарища прокурора... Письма политическим...

Тишина нарушена. Радостное оживление оскаливает белые, лошадиные зубы писаря. Перо бойко и игриво расчеркивается в книге, и снова хлопает визжащая дверь. На столе - небольшая кучка писем, открыток, измазанных штемпелями. Писарь роется в них, подносит к глазам, шевелит губами и откладывает в сторону.

- Вот-с! - торжествующе восклицает он, небрежно, как бы случайно подымая двумя пальцами большой, синий конверт. - Вот-с, вы, Иван Палыч, говорили, что отец Абрамсону не напишет! Я уж его почерк сразу узнал!..

- Что-то невдомек мне, - лениво зевает надзиратель, шевеля усами: что он писал у в прошедший раз?..

- Что писал! - громко продолжает писарь, вытаскивая письмо. - А то писал, что ты, так сказать - более мне не сын. Я, говорит, идеи твои считаю одной фантазией... И потому, говорит, более от меня писем не жди...

- Что ж, - меланхолично резонирует "старший", подсаживаясь к столу. Когда этакое сопротивление со стороны своего дитя... Забыв бога, к примеру, царя...

- Иван Павлыч! - радостно взвизгивает писарь, хватая надзирателя за рукав. - От невесты Козловскому письмо!.. Ну, интересно же пишут, господи боже мой!..

- Значит - на прогулку сегодня не пойдет, - щурится Иван Павлыч. - Он этак всегда. Я в глазок* сматривал. Долго письма читает...

Писарь торопливо, с жадным любопытством в глазах, пробегает открытку, мелко исписанную нервным, женским почерком. На открытке - заграничный вид, лесистые горы, мостики, водопад.

- В глазок сматривал, - продолжает Иван Павлыч и щурится, ехидно усмехаясь, отчего вваливается его беззубый, черный рот и прыгает жиденская, козлиная борода. - Когда плачет, когда смеется. Потом прячет, чтобы, тово, при обыске не отобрали... Свернет это мелконько в трубочку - да и в сапог... Смехи!.. Потом, значит, зачнет ходить и все мечтает... А я тут ключами - трах!.. - "На прогулку!" - "Я, говорит, сегодня не пойду"... "Как, говорю, не пойдете? По инструкции, говорю, вы обязаны положенное отгулять!" - Раскритится, дрожит... Сме-ехи!..

- "Ми-луй... м... мой. Пе... тя..." - торжественно читает писарь, стараясь придать голосу натуральное, смешливое выражение. Про-сти-что-дол-го-не-пи-са-ла-те-бе. Ма-ма-бы-ла-боль-на-и...

Писарь кашляет и подмигивает надзирателю.

- Мама-то с усами была! Знаем мы! - говорит он, и оба хохочут. Чтение продолжается.

- ...бу-ду-те-бя-жда-ать... те-бя-сош-лют-в-Сибирь... Там-уви-дим-ся... При-е-хатъ-же-мне, сам знаешь, - нель-зя...

- Врет! - категорически решает Иван Павлыч. - Что ей в этом мозгляке? Худой, как таракан... Я карточку ейную видел в Козловского камере... Красивая!.. Разве без мужика

баба обойдется? Врет! Просто туману в глаза пушает, чтобы не тревожил письмами...

- Само собой! - кивает писарь. - Я вот тоже думаю: у них это там идеи, фантазии всякие... А о кровати-то, поди - нет, нет - да и вспомнят!..

- Что барская кость, - говорит внушительно Иван Павлыч, - что мещанская кость, - что крестьянская кость. Все едино. Одного, значит, положения природа требует...

- Жди его! - негодуяше восклицает писарь. - Да он до Сибири на что годен будет! Измочалится совсем! Будет не мужчина, а... тьфу! Ей тоже хочется, небось, ха, ха, ха!..

- Хе-хе-хе!.. Любовь, значит, такое дело... Бе-е-ды!..

- Вот! - писарь подымает палец. - Написано: "здесь мно-го-инте-рес-ных-людей"... Видите? Так оно и выходит: ты здесь, милочек мой, посиди, а я там хвостом подмахну!.. Ха-ха!..

- Хе-хе-хе!..

- Какая панорама! - говорит писарь, рассматривая швейцарский вид. Разные виды!..

- Тьфу!.. - Надзиратель вскакивает и вдруг с ожесточением плюет. - Чем люди занимаются! Романы разводят!.. Амуры разные, сволочь жидовская, подпускают... А ты за них отвечай, тревожься... Па-а-литика!..

Он пренебрежительно щурит глаза и взволнованно шевелит усами. Потом снова садится и говорит:

- А только этот Козловский не стоит, чтобы ему письма давать... Супротивнее всех... Позавчера: "Кончайте прогулку", - говорю, время уж загонять было. - "Еще, говорит, полчаса и не прошло!" - Крик, шум поднял... Начальник выбежал... А что, - меняет тон Иван Павлыч и сладко, ехидно улыбается, - ждет письма-то?

Писарь подымает брови.

- Не ждет, а сохнет! - веско говорит он. - Каждый день шляется в контору - нет ли чего, не послали ли на просмотр к прокурору...

- Так вы уж, будьте добры, не давайте ему, а? Потому что не заслужил, ей-богу!.. Ведь я что... разве по злобе? А только что нет в человеке никакого уважения...

Писарь с минуту думает, зажав нос двумя пальцами и крепко зажмурившись.

- Чего ж? - роняет он, наконец, небрежно, но решительно. - Мо-ожно... Картинку себе возьму...

В камере палит зной. В решетчатом переплете ослепительно сверкает голубое, бесстыжее небо.

Человек ходит по камере и, подолгу останавливаясь у окна, с тоской глядит на далекие, фиолетовые горы, на голубую, морскую зыбь, где растопленный, золотистый воздух баюкает огромные, молочные облака.

Губы его шепчут:

- Катя, милая, где ты, где? Пиши мне, пиши же, пиши!..

* Глазок - круглое отверстие в дверях камеры.